

О. М. Медушевская

**Теория и методология
когнитивной истории**

Ольга Медушевская

**Теория и методология
когнитивной истории**

«Директ-Медиа»

2015

УДК 930.1
ББК 63

Медушевская О. М.

Теория и методология когнитивной истории /
О. М. Медушевская — «Директ-Медиа», 2015

Монография представляет собой обобщение исследований автора по проблемам исторического знания и метода получения такого знания путем анализа и интерпретации исторических источников. Эти весьма принципиальные вопросы широко дискутируются в литературе. В центре авторской концепции — актуальные идеи о возможности достижения достоверного знания о человеке. Для историков и всех интересующихся проблемами исторического знания.

УДК 930.1
ББК 63

© Медушевская О. М., 2015
© Директ-Медиа, 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1	13
1.1. Возможность эмпирической науки истории	14
1.2. Деятельность и интеллектуальный продукт	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Медушевская

Теория и методология когнитивной истории

Введение

Философия, наука и повседневное знание, при всех различиях способов суждения и действия, направлены на достижение общей цели – постижение свойств и параметров мирового универсума, системных связей окружающего мира. Все они исходят из свойства мирового универсума, предполагающего наличие и функционирование в нем человека, обладающего способностью мыслить и познавать. Поскольку дело обстоит именно так, то человеческое мышление как особый феномен, в свою очередь, выступает в качестве научной проблемы, изучение которой требует взаимодействия наук о природе, наук о жизни и наук о человеке. В настоящее время сформировалась группа наук и дисциплин, представляющих различные подходы и методы, поставившие себе целью исследование проблем человеческого мышления. В ней представлены как науки естественные, так и гуманитарные. Их объединяет сама проблема и поиск взаимодействия в ее исследовании, в силу чего эти новые науки и подходы носят название когнитивных, т. е. формирующих общее исследовательское пространство когнитивистики. Среди них когнитивная психология, когнитивная лингвистика, компьютерные науки, теория информации, информационные науки, область исследования искусственного интеллекта, ряд новых подходов естественных наук. Поскольку человек представляет собой часть мирового универсума, системно связан с ним, то и познание этих связей возможно при том условии, что каждая из наук выявляет эти системные связи, изучая собственные конкретные объекты. Ориентация на проблематику когнитивистики актуализирует в каждой из наук специальное рассмотрение научной методологии и особенно ее эмпирического обоснования. В центре внимания оказываются проблемы соотношения теории и эксперимента, принципов верификации, критериев доказательности, корректности и точности научного утверждения и способов его аргументации. Для гуманитарных наук особенно актуален вопрос об эмпирическом объекте наблюдения.

Проблема человеческого мышления – центральная проблема философии и эмпирических наук, прежде всего наук о человеке. Сфера человеческого мышления в настоящее время стала рассматриваться как общая проблема, как общее пространство наук о природе, наук о жизни и наук о человеке: каждая из них через конкретные данные стремится раскрыть этот феномен. Когнитивистика, когнитивные науки очерчивают междисциплинарное пространство наук, которые рассматривают феномен человеческого мышления с разных сторон. Когнитивная психология, теория искусственного интеллекта и компьютерные науки, лингвистика, естественные науки изучают познавательные механизмы и процессы. Рассматривая собственные возможности в общем пространстве когнитивистики, каждая из них осознает относительную ограниченность и неполноту своей экспериментальной базы. Так, психология отдает себе отчет, что, как эмпирическая экспериментальная наука, она имеет дело, во-первых, лишь с процессами, которые только отчасти поддаются непосредственному изучению и наблюдению. Во-вторых, ее эксперимент возможен лишь в ограниченной сфере пространства и времени и не рассматривает поэтому поведение и мышление человека в свободном, не ограниченном условиями экспериментов режиме. И наконец, очень важно, что ведется наблюдение современного человеческого мышления и поведения, в то время как вполне возможны отличия в различных временных и пространственных рамках.

Каждая из наук ограничена своей экспериментальной базой, берет в качестве объекта одну из сторон человеческого мышления и поведения и потому не может настаивать на его абсолютной репрезентативности. Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука – история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс – и есть время и место реализации человеческого мышления и

поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект.

Феномен человека определяется многими философскими направлениями. Мы в свое время обратимся к этим определениям. Но проблема состоит в том, чтобы рассмотреть метод науки о человеке как научный метод. Под наукой мы будем понимать научную деятельность, в которой достижение цели значит достижение нового, точного (градуированного по степени точности) и системного (т. е. соотнесенного с существующей научной картиной мира) познания. Когда мы говорим о науках о человеке, цель определяется тем, чтобы получить новое точное и системное знание о человеке, обществе и человечестве. Если мы поставим науки о человеке в единый сопоставимый ряд с другими науками, то сразу же возникает вопрос об объекте такого познания. Принято различать три типа наук – науки о природе, науки о жизни, науки о человеке. Понятно, что в едином и системном мировом целом они соотнесены между собой и объект каждого типа наук является частью мирового универсума, но в данном случае речь идет о том реальном объекте, который для каждого из этих типов наук является главным – источником нового знания. В науках о природе – это природный мир. В науках о жизни – вещественный мир живого, который рассматривается естественными науками как реальный объект. Сложности возникают с определением объекта в науках о человеке, которые имеют своей целью достижение нового знания о человеке. Трудности гуманитарного познания известны: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение человеческих групп поэтому не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны только фрагментарно и в связи с этим возникает вопрос о соотношении единичного и общего в данном явлении. Передача сигналов и информационный обмен присущи человеку, но являются свойством и других живых систем, и не прослеживаются критерии различения специфики человека и особенностей других живых систем. Более того, когда речь идет об исторической науке, возникает своеобразная иллюзия «исчезновения объекта», выражаемая обыденным представлением о том, что история «изучает прошлое», т. е., строго говоря, вообще не может претендовать на статус науки.

Таким образом, существует проблема – история может быть наукой в том случае, если: 1) она имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; 2) наука история должна опираться на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс), без чего установка на выявление общечеловеческих универсалий не будет обладать репрезентативным знанием; 3) этот реальный, существующий на всем протяжении исторического процесса объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека. Такая проблема стоит перед современной философией и методологией и не находит в них разрешения. Напротив, в них довольно часто повторяются обозначения данной проблемы как не имеющей рационального решения. Не остается ничего другого, как согласиться с этим.

Знание об истории, равно как и любое другое, можно разделить на знание констатирующее, знание процедурное и знание теоретико-методологическое. Под знанием *констатирующим* (описательным) понимается знание, уже добытое ранее и ставшее общественным достоянием: такое знание представлено в учебниках, оно транслируется в образовательной модели и постоянно используется. Под знанием *процедурным* понимается знание о том, каким образом можно что-либо делать, оно предполагает известную модель поведения, соответствующего достижению результата. Такое знание весьма эффективно в рамках постановки традиционных целей и в условиях стабильности исходных условий исследовательской ситуации. Но оно обнаруживает свою неэффективность каждый раз, когда цели исследования, с одной стороны, и исследовательские условия – с другой, существенно изменяются. В истории исторической науки новейшего времени достаточно хорошо известна позитивистская историческая концепция, которая в свое время, в рамках сложившейся историографической концепции, была

достаточно эффективной и результативной. Позитивистская историография эффективно разрабатывала свои процедурные методики, например, методики изучения средневековых картуляриев, дипломатики, латинской палеографии. В изменившихся условиях, когда от исторической науки потребовалось обращение к глобальным моделям цивилизационного подхода, когда возникли новые проблемы, стала казаться упрощенной описательная история, выяснилось, что традиционные исследовательские методики неэффективны. Знание методик, излишне привязанных к конкретике эмпирических данных, проявляет свою ограниченность всякий раз, когда появляются новые эмпирические данные или когда в науке возникают новые исследовательские вопросы, этими методиками не предусмотренные. Этот третий путь есть путь *теоретико-методологического* знания, который и выступает в качестве нашей цели.

Это знание является общим, оно опирается на те аспекты картины мира, которые не меняются, существуют независимо от конкретных ситуаций, эпизодов или событий. Такое знание – главная цель любой науки. Мы бы определили его как знание пути (а метод – это и есть путь), который зависит прежде всего от цели движения и который намечается при условии предварительного знания общей конфигурации осуществления этого пути, с одной стороны, и наличия общих представлений о возможностях познающего субъекта – с другой.

В данной ситуации сообщество, разделяющее идею гуманитарного знания как истинно строгого знания, оказывается перед необходимостью определить свою позицию двояким образом: с одной стороны, как философской проблемы человека, человеческой природы и, с другой – как проблемы пределов и возможностей эмпирического (т. е. основанного на непосредственном наблюдении и эксперименте) знания о человеке. Точнее говоря, найти пути соединения и логически непротиворечивого перехода от философии к эмпирическому знанию и от него – к философскому обобщению, т. е. отыскивать, распознавать в реальных объектах, доступных непосредственному систематическому изучению, те признаки и свойства, которые указывают на глубинный механизм функционирования реальных процессов. Применительно к исторической науке эта позиция осознается как философская проблема об общих (универсальных) константных параметрах человеческой деятельности и, следовательно, исторического процесса в его единстве и целостности.

В свою очередь, вопрос о деятельности есть и вопрос о феномене человеческого мышления, человеческого способа познания. И, далее, из этого следует вопрос о путях и способах познания в рамках достижения нового, доказуемого и системного знания о человеке, его мышления и деятельности.

Следовательно, если подходить к проблеме таким образом, то в центре внимания исторической науки окажется человеческая деятельность как проявление способностей человеческого мышления, действия и поведения. Таким образом, она окажется в пространстве когнитивных наук. Когнитивные науки – относительно новое понятие, которое возникло в новейшее время, когда исследование человеческого мышления стало возможным с помощью компьютерных технологий. На какое-то время появилась надежда на то, что можно понять тайны человеческого мышления, сопоставляя человеческое мышление и поведение с компьютерными моделями. В дальнейшем стали очевидны факторы, ограничивающие такое сопоставление. Тем не менее интерес к проблематике мышления и познания значительно вырос и в ряде наук о человеке обозначились соответствующие ориентиры. Со времени возникновения понятия когнитивистики конкретные науки не могут оставаться и не остаются неизменными. Они иначе воспринимают проблему соотношения своих возможностей с общим пространством когнитивистики и, соответственно, переосмысливают те области своего конкретного изучения, которые уже накопили известный опыт в данном направлении. Примером первого применения новых методов служит когнитивная психология. Стали очевидными узость эмпирического наблюдения и обращение (в самом общем виде, но здесь важна тенденция) к идее использования тех эмпирических объектов, которыми располагает историческая наука. Примером ситуации внутрина-

учного переосмысления познавательных возможностей служит ситуация с областью, непосредственно обращенной к изучению источников исторической информации, к источниковедению в его современном понимании.

Наиболее ярко это выразилось в развитии психологической науки, которая за несколько десятилетий обогатилась новыми понятиями, новыми методами и, главное, сформулировала для себя новые проблемы. Возникло понятие когнитивной психологии. В пространстве когнитивистики существуют изучающие проблемы человеческого мышления дисциплины, прежде всего естественно-научного характера, но также информатика, философия. Каждая из них имеет свой спектр возможностей изучения проблемы человеческого мышления и действия. Существует и другой путь исследования этой проблемы – путь изучения конкретных результатов человеческого мышления, деятельности: интеллектуальных продуктов как целостной совокупности, возникшей в ходе исторического развития. История до сих пор не раскрыла своих возможностей деятельного участия в междисциплинарных исследовательских проектах в пространстве когнитивистики. Для этого необходимо развивать собственный познавательный метод. Объективные условия для этого историческая наука имеет. Именно она, как уже отмечалось, и только она одна рассматривает своим объектом человечество как эволюционно и глобально целостное понятие.

Индикатором перестройки внутри исторической науки может служить направление, специально ориентированное на исследование информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Это направление, имеющее свои перспективы развития, носит, как известно, название источниковедения. В его рамках специально рассматривается проблематика исследований информационного ресурса исторических источников. Однако источниковедение развивалось вплоть до настоящего времени в рамках исследовательских методов собственно исторической науки. Общефилософские, гносеологические возможности развития данного направления в настоящее время делают вполне допустимым рассмотрение метода истории как когнитивной науки.

Гносеологические возможности истории как когнитивной науки находят свое полное развитие в рамках феноменологического подхода. Имеются три уровня выявления этих реально существующих возможностей: эмпирически наблюдаемый, структурно-функциональный и системный. Феноменологический подход в принципе предполагает опору на реально существующий, эмпирически данный мир физических объектов.

Однако в отличие от позитивистского подхода феноменология обращает внимание на необходимость за эмпирической данностью увидеть явление, т. е. она предполагает специальные гносеологические устремления исследователя к тому, чтобы воссоздать в первозданной целостности то явление, которое нашло воплощение в некотором вещественном продукте. И, наконец, еще один, а по сути основной принцип феноменологического подхода – это понимание отношений между реальным миром и изучающим его научным методом, наукой. Мир представляется как целостный и системный. Наука не привносит извне или из идей познающего субъекта системности в первозданный хаос (что происходит, например, при неокантианском подходе к наукам о культуре). Напротив, феноменологический подход исходит из того, что в мире существует системность, взаимосвязанность, которую исследователь как раз и стремится открыть. При таком подходе можно сказать, что главная задача научного метода состоит в том, чтобы за внешними проявлениями выявить имманентный порядок вещей, ту реальную сеть отношений и взаимосвязей, которая дает о себе знать спонтанно возникающими эмпирическими явлениями.

История есть знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана. В таком широком понимании историческое знание существует изначально и в повседневном массовом сознании, и в научном сообществе. В настоящей работе рассматривается метод научного исторического знания. Под научным знанием будем пони-

мать знание новое, т. е. такое, которое является продуктом творчества. Творчество всегда лично, оно существует как открытие нового, ранее не известного и ранее не существовавшего. Качество творческой новизны обязательно входит в понятие научности, но его недостаточно для полного определения научности. Научное знание далее есть знание доказательное, логически-выводное, т. е. оно открыто для представления обществу не только своим результатом, но предполагает открытость и логическую непротиворечивость по всему пространству исследовательского пути от замысла к результату. Это не означает, что каждое знание выступает как доказанное на данный момент. Имеется в виду то, что научное знание предполагает четкое различие доказанных утверждений и находящихся в процессе верификации альтернативных гипотез. Оно предполагает необходимые указания и соответствующие параметры для любых проверок представленного результата и тем отличается от интуитивных догадок и озарений, всегда присущих исследовательскому творчеству, но еще не подтвержденных соответствующими исследовательскими логическими выводами. И наконец, научное знание как результат творчества личности должно отвечать условию системности, т. е. соотношения итогового результата с уровнем знания научного, но не нового, а уже функционирующего в обществе. Вопрос о том, как результат соотносится с научной картиной, уже имеющейся в распоряжении общества, есть один из вопросов, который исследователь решает для представления собственного открытия как нового. Таким образом, три составляющие научного знания – творческая новизна, логическая доказательность и логически представленная системность его включения в информационную картину мира – взаимосвязаны и взаимообусловлены и в целом дают новое качество знания научного.

Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм. Мы говорим не о парадигме лишь в узком науковедческом смысле – как разделяемой сообществом господствующей дисциплинарной концепции или нормативов принятого способа исследовательской деятельности, но прежде всего – о парадигме в более широком философском смысле, как общем для сообщества видении своего объекта и его соотносительности с мировым универсумом, о предмете истории как науки и о пределах ее познавательных возможностей. По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка как познающего субъекта. Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнана и представлена исключениями. Сосуществование двух парадигм само должно стать предметом теоретического осмысления как особое поле напряженности в рамках общегуманитарного и естественно-научного познания. Вне такого осмысления остаются нерезультативными и повсеместные дискуссии о моделях университетского образования, поскольку наличие двух парадигм формирует на протяжении столетия различные модели профессионального исторического и, шире, гуманитарного образования. В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение. Конечно, история рассказывается детям разных стран современного мира по-разному, но в общих рамках нарративной логики – передачи готового, уже достигнутого и многократно воспроизводимого набора знаний. Наука же, напротив, есть прежде всего способ добывания нового знания: современность,

общество осознает проблему, наука история соотносит ситуацию с ситуациями исторического опыта, что выявляет как постоянные составляющие, так и особенности современной проблемы.

Соответственно строится и должна строиться образовательная модель для формирования гуманитария, способного предложить новое понимание смысла проблемной ситуации.

Конфликтный потенциал глобальной истории разворачивается таким образом, что не оставляет перспектив для традиционного констатирующего знания, лишь обостряя противостояние разных нарративов, не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса. Напротив, парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума. История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности.

Способ выхода на новый уровень зрелой науки (Гуссерль) давно обозначен и аргументирован основателями феноменологии. Зрелая наука (Гуссерль) формирует в своей системе особую предметную область – учение о науке, осуществляя мониторинг своих познавательных стратегий и методологий. Учение о науке в этом смысле формирует и образовательную модель, обучая прежде всего методу в его достигнутых нормах и перспективах, поэтому теория и методология истории как науки вполне могут быть представлены и в виде университетского курса, что в свое время и было сделано основателем феноменологической концепции теории и методологии истории.

Наукоучение как предмет рассматривает познавательные возможности для изучения системного мирового универсума (философии науки), прослеживает динамику познавательных методологий в ее связи с реальностью (история науки) и тем самым стимулирует развитие научного познания.

Представляемая книга имеет своим предметом теорию и методы истории как науки среди других наук, стремящихся к достижению точного знания. История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса. Поскольку это мышление выразило себя вовне, реализовало себя тем или иным образом, оно может стать в определенной мере познаваемым. История человеческого мышления (когнитивная история) есть наука о человеке мыслящем и творческом, ежеминутно формирующем свою рукотворную, человеческую новую реальность. Понятая таким образом, наука история имеет свои возможности и пределы познания, сопоставимые с возможностями и пределами наук о природе и жизни. История как когнитивная наука рассматривается в книге со стороны ее теоретических оснований (гл. 1–2), динамики становления ее метода (гл. 3), со стороны ее исследовательских проблем и методов исследования и преподавания (гл. 4–5).

Глава 1

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА

В историческом процессе всего интереснее сам человек, его деятельность и мышление, его опыт постижения смысла, который он овеществляет в создаваемых им интеллектуальных продуктах. Человеческое мышление может быть познано в той мере, в какой человек захотел и смог запечатлеть свои мысли вовне, в продуктах своего творчества. Окружающая действительность меняется, меняется и человек, но универсальная потребность в постижении смысла сохраняется.

Наблюдая в рамках своих возможностей признаки происходящих в реальной действительности процессов и постигая механизмы их взаимодействий («смысл происходящего»), индивид соответственным образом выстраивает свою деятельность. При этом он фиксирует этапы своего целенаправленного поведения, создавая вещи. Вещь в данном определении характеризует свою материальность и свою структурированность, что и фиксирует ее информационный ресурс, который может быть закодирован в виде изображающих знаков или обозначающих символов или их сочетаний. Константность, устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создает условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания.

Вот тогда возникает возможность для науки, исследующей ретроспективу, через интеллектуальный продукт понять проект, замысел, ради которого осуществлялась деятельность, установить, как постигал смысл своей реальности исторический человек, понять также и смысл его выбора. И следовательно, появляется возможность приблизиться к тайне человеческого мышления, тайне внутреннего мира другого человека. Он был таков же, как и все люди, но в то же время совершенно другой, и действовал он, осуществляя свой выбор в условиях реальности. Она, в свою очередь, в фундаментальных параметрах бытия всегда та же, но в то же время совершенно иная.

Постижение человеческого мышления и его опыт на всем протяжении существования человечества есть главная проблема науки вообще. Но только одна из наук рассматривает в качестве своего эмпирического объекта всю совокупность интеллектуальных продуктов, когда-либо созданных целенаправленно и осознанно в ходе исторического процесса. Предмет этой науки – человеческое мышление, человеческое познание, в той мере и поскольку оно являет себя в деятельности. Это – когнитивная историческая наука.

В данной главе поставим следующие вопросы, которые далее будем рассматривать с разных сторон на протяжении всей книги: возможность эмпирической науки о человеческом мышлении: проблема соотношения деятельности и ее интеллектуального продукта: параметры изучения исторического процесса путем интерпретации реального, единого и целостного макрообъекта.

1.1. Возможность эмпирической науки истории

Современные науки выделяют в качестве центральной проблемы процесс познания, процесс человеческого мышления. Импульсом для выхода данной проблемы на новый, а, по существу, – на междисциплинарный уровень, стало развитие компьютерных технологий. В ходе исследования связей человека и машины, первоначально развивавшегося на технологическом уровне, возникла идея о том, что между человеческим мышлением и работой компьютера существуют некоторые аналогии. Возникло такое понятие, как «компьютерная метафора», в рамках которого работает целое направление – так называемое направление искусственного интеллекта. В процессе исследования работы компьютера используются такие понятия, как ввод информации, ее преобразование, ее сохранение. Появилось даже понятие «компьютерная память», под которой имеется в виду сохранение информации. Продолжает эту схему выведение конечного интеллектуального продукта на выходе системы. Аналитики увидели в этой аналогии определенную возможность схематически представить модель информационного процесса, которая существует в человеческом организме. Внешнее сходство состоит в том, что мыслящее существо получает информацию извне, по-видимому, определенным образом перерабатывает ее и в результате каких-то преобразований выдает новый готовый интеллектуальный продукт. Заметим, что на языке компьютерных технологий любое произведение выступает именно как продукт.

Когда такая схема возникла эмпирически, она обозначила новое исследовательское пространство. Оказалось, что в этом пространстве могут присутствовать со своим профессиональным исследовательским опытом многие науки, прежде всего естественные, которые до того занимались каждая своим отдельным предметом. Так например, психология исследовала процессы восприятия, представления, формы человеческого поведения, их нормы, вариации. Науки о мозге рассматривали структуру мозга с естественнонаучной точки зрения. Информационные науки пытались совершенствовать технологические процессы преобразования с помощью компьютерных технологий. В данной схеме каждая из этих наук увидела определенное место для изучения отдельных секторов этой технологической модели. Исследовательское пространство было обозначено как направление «искусственного интеллекта». В настоящее время оно понимается более широко – именно как пространство, в котором компьютерная модель ввода, переработки и выхода информации сопоставляется с вводом, переработкой и выходом нового интеллектуального продукта в процессе познавательной деятельности человека. Условность аналогии хорошо передается возникшим тогда термином «компьютерная метафора». Метафора означает лишь фигуру речи, с помощью которой язык пытается передать впечатление от нового невиданного, необычного явления. Метафора не дает ни понимания природы явления, ни нового понятийного аппарата и поэтому пользуется тем, что есть, т. е. сравнивает с тем, что новое явление ему напоминает.

Привычный стереотип рассмотрения мышления как абстрактной философской категории мешает гуманитариям увидеть целиком свою главную эпистемологическую проблему: неразделимость этапов динамической ситуации «мышление – продукт» или, в обратном порядке (источниковедческий метод), «продукт – мышление его автора». Любое (пусть и условное, метафорическое) представление о наличии этих связей информативно.

Обозначилось единое пространство наук, которые осознали необходимость и в то же время ограниченность возможностей каждой для исследования феномена человеческого мышления. Некоторые из этих наук более четко осознали свою ориентированность на данную проблематику. Так, в частности, произошло в психологии, где закрепилось новое понятие «когнитивная психология», которая этим названием обозначила приоритетность проблем человеческого мышления как наиболее актуальных. На современном этапе очевиден междис-

циплинарный характер этих проблем, что передается понятием «когнитивные науки» – под не вполне определенным термином понимается как раз проблемная ориентированность данного познавательного пространства. Интегрирующую роль в нем пока не удалось занять ни одной науке.

Исследование мыслительных, познавательных возможностей человека в каждой из наук, относящихся к когнитивным, затруднено тем, что эмпирический материал ограничен. На это в принципе уже обратила внимание психологическая наука. Вначале ее когнитивные идеи стали реализовываться посредством постановки новой серии экспериментов. Анализируя данный этап, аналитики обратили внимание на то, что эти эксперименты не адекватны замыслу целостного исследования природы человеческого мышления. Во-первых, процессы восприятия мышления и преобразования информации, которые можно наблюдать в эксперименте, принципиально отличаются от ситуаций человеческого мышления в его естественной внеэкспериментальной форме. Кроме того, и это как раз и есть самая главная проблема, современный психолог может говорить о природе человеческого мышления – категории общечеловеческой – лишь на основании относительно ограниченного и узкого поля наблюдения мышления отдельных индивидов современного общества. Основатели когнитивной психологии сформулировали эту противоречивую ситуацию, но они, правда, не предложили возможного выхода из нее. Тем не менее в их идее была обозначена актуальная тенденция – человеческое мышление исторично, оно проявляет себя на всем протяжении существования человеческого рода. Осталась открытой проблема привлечения исторического материала, без которого выводы психологии навсегда остаются нерепрезентативными, поскольку охватывают только текущий период времени¹.

Общие принципы человеческого мышления рассмотрены в рамках философии и философской антропологии. Но эти общие принципы необходимо в рамках философского метода познания соотнести с эмпирическим материалом.

Вопрос о познавательных возможностях исторической науки оказывается ключевым для всего научного сообщества, для перспектив развития когнитивистики. Получение строгого, доказательного знания о человеке в истории, в свою очередь, зависит от того, имеет ли эта наука эмпирический объект. Существует только одна наука, предметом которой является исторически сложившаяся совокупность человеческой деятельности. Эта наука – история. Она рассматривает человека в его эволюционном единстве и в глобальном единстве сообществ. Иначе говоря, для того чтобы, с одной стороны, рассматривать процессы человеческого мышления в их основных фундаментальных параметрах и с другой – проследить динамику развития на протяжении всего исторического процесса, необходимо обращение к основной науке о человеке. Вне такого информационного охвата всех форм и способов человеческого мышления общая модель этого феномена не может быть репрезентативна по определению. Что же препятствует применению этого исторического подхода к пониманию проблемы человека? Этому препятствует традиционное представление о возможностях исторической науки, согласно которому эта наука не имеет эмпирической базы и, если продолжать логику данного подхода, вообще не имеет объекта, доступного познанию с помощью научных методов. Человек определяется нами как живая система, имеющая дополнительные (по сравнению с тем, что имеют другие существа) возможности. Информация, воспринятая из окружающего мира и преобразованная человеческим мышлением в идеи и понятия, сохраняется не только в памяти, как у других существ, но преобразуется в особую опосредованную форму, форму вещи.

Иначе говоря, человеческая деятельность воплощает себя в окружающем мире, создавая интеллектуальные продукты. При такой постановке вопроса можно утверждать тезис о позна-

¹ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996; Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.

ваемости исторического процесса. Человеческое мышление проявляет себя в том, что человек создает в качестве интеллектуального продукта.

Таким образом, возникает возможность исследования феномена человеческого мышления, человеческого познавательного процесса по его осязаемым, вещественным результатам. В пространстве когнитивных наук история занимает свое место, которое никакой другой наукой не может быть заменено. Историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой о человеческом мышлении. Необходимо реализовать эти возможности истории как когнитивной науки. Историческая наука исследует процессы человеческого мышления по их целенаправленным, осознанным и познаваемым результатам.

Данная постановка вопроса об истории как когнитивной науке нисколько не противоречит тому, что нам об этой науке известно. Она лишь акцентирует внимание на главном. Суть дела состоит в том, что в рамках исторической науки уже нашли свое институциональное оформление дисциплины, предметом которых как раз и является методология изучения человека через созданные им интеллектуальные продукты. Историческая наука рассматривает проблемы исторического метода достаточно давно и накопила в этом отношении уникальный познавательный опыт. В рамках собственно исторического изучения данный методологический опыт традиционно рассматривался в его относительно узких дисциплинарных рамках: считалось, что историк изучает продукты целенаправленной человеческой деятельности для узкопрофессиональных целей. При этом данный род занятий интерпретировался вне философской системы определений. В настоящее время возникла возможность исследовать проблемы познавательных методов исторической науки в рамках феноменологической парадигмы, которая рассматривает человеческую природу, феномен человека именно как творца интеллектуального продукта. Все это позволяет представить историческую науку как науку о человеческом мышлении, т. е. как науку когнитивную, а ее метод познания феномена человеческого мышления увидеть в его единстве и исторической динамике. Метод истории как когнитивной науки является таким образом одной из важных проблем современного научного знания.

Определение феномена человека, вопрос его сущностной природы и его отличий от других живых существ долгое время рассматривался на уровне философских абстракций, хотя и стал центральным в XX в. как вопрос исторической антропологии². Развитие компьютерных технологий и информационных сетей, изменив привычные соотношения времени и пространства, оказало глубокое воздействие на научное сообщество, способствовало смещению акцентов исследований с традиционного диахронического подхода, рассматривавшего явления во времени, на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего. Вектор модификации общего исследовательского пространства гуманитарных и естественных наук способствовал их сближению. Он особенно важен для исторического сообщества, профессионализм которого слишком прямолинейно связан был с изучением «периодов», динамики изменений во времени.

Постановка вопроса об истории как когнитивной науке, т. е. науке, имеющей своим предметом человеческое мышление, требует прежде всего ответа на главный вопрос: что такое человек – в широком смысле? Как этот вопрос рассматривается в философской антропологии? Что составляет системообразующее, существенное качество человека и по каким основным проявлениям можно судить об этой его сущности? Философская антропология исследует такие понятия, как человек говорящий, создающий орудия, рисующий, человек, играющий в игры (в том числе языковые «игры»), и, разумеется, – человек разумный, человек мыслящий. Все эти определения так или иначе интерпретируют философское понимание человеческой природы и способов ее познания. Нельзя, однако, не заметить, что каждый из этих подходов встречает трудности при попытках перейти от общей концепции к познавательной модели, позволяю-

² См.: Плеснер Х. Ступени органического в человеке: Введение в философскую антропологию. М., 2004.

щей в каждом конкретном явлении отделить то, что «не есть», т. е. найти собственно термин (по смыслу этого слова – четкую эмпирически данную границу определения). Напротив, возникает своя логическая «кайма неточности», отделяющая переходы – говорящего существа, или рисующего, или тем более играющего и даже мыслящего и чувствующего существа, – от собственно человека. В мировом универсуме с его открытыми, недискретными переходами от одного процесса к другому границ не существует по определению: недискретный мир открытого универсума не поддается, не укладывается целиком в логику дискретного человеческого упорядочения.

Принято различать три типа наук, каждая из которых имеет в целостном мире действительности свой, в какой-то мере различимый от остального объект: науки о природе, науки о живом (о «жизни» в ее реальных формах) и о человеке. Но, очевидно, и эти границы прозрачны.

В данной познавательной ситуации ясность необходима: какое сущностное, системобразующее и в то же время эмпирически наблюдаемое свойство человека следует взять за основу?

Для обоснования исследовательского метода науки о человеке необходимо теоретически аргументировать представление о том, что составляет фундаментальное качество этого феномена. Исходная позиция, взятая нами для различения свойства живых систем вообще, состоит в том, что этим общим свойством является информационный обмен. Под информационным обменом понимается способность любой системы преобразовывать воздействия окружающей среды в образы и представления. Они, в свою очередь, обуславливают поведение системы, а оптимальная стратегия поведения, закрепленная естественным отбором, становится ее главной характеристикой. Рассматривая далее специфику информационного обмена, характерную для человеческого индивида, мы выделили в качестве главного положение о том, что этот информационный обмен имеет особую схему. Информационный обмен любого индивида дискретен: наряду со свойственными и другим живым системам биологическими когнитивными способностями, этот обмен включает в себя также новый момент. Он состоит в том, что индивид способен не просто преобразовать воздействия внешней среды в идеи и представления, но и добиться качественно нового типа этих преобразований. Живая информация приобретает стабильную форму сохраненной информации как целенаправленно созданный материальный (в качестве физического тела) объект.

Подчеркнем различие двух форм информационного обмена, – информации живой и информации сохраненной (стабильной). Под живой информацией будем в дальнейшем понимать динамичный и подвижный процесс, суть которого определяется когнитивными способностями интеллекта индивида. В процессе восприятия воздействий внешнего мира, а также воспроизводства информационного ресурса, хранящегося в памяти, происходит живое и непрерывное изменение той картины мира, которую данный интеллект в себе создал. Эта картина беспрерывно пополняется новыми данными, а моменты наибольшей информационной активности связаны с общим подъемом сил организма. Такие моменты мы назовем информационной энергетикой. Соответствующие состояния психологам известны, и при изучении психологии творчества они обычно обозначаются как вдохновение, озарение и т. п. В этих приблизительных терминах выделим присущую им общую черту – получение новых идей и представлений, нового знания о мире. Особенность информационного обмена, характерная прежде всего для человека, состоит в том, что человек имеет возможность не только использовать в качестве дополнительного информационного ресурса свою память (соотносимую с непосредственным наблюдением), но и информацию в ее сохраненном, стабильном, овеществленном виде. Различие живой информации и информации сохраненной является весьма существенным, поскольку именно данная способность для понимания феномена индивида и социума становится системообразующей.

В качестве общей постановки вопроса и аксиоматического положения будем исходить из того, что человек – живая система. Но человек – не единственная живая система: необходимо определить и то, что позволяет относить человека к общему классу живых систем, и то, что в этом общем понятии позволяет его выделить в качестве особой живой системы. Эволюционная эпистемология исходит из представлений о сходстве механизмов развития биологической эволюции (биоэпистемология) и соответственно рассматривает развитие когнитивных механизмов в их эволюции. В познавательной активности человека и других живых организмов выявляются универсальные механизмы, характерные для тех и других, т. е. утверждается их сходство. Что отличает природу в широком смысле от собственно живой природы? В качестве исходной аксиоматической позиции возьмем общую идею информационного обмена, рассматривая его как один из признаков живого организма. Живые организмы, живые системы способны преобразовывать воздействия окружающего мира в ощущения, представления, образы. Иначе говоря, живые системы способны формировать протоинформацию (к понятию информации и ее отношению к когнитивному и коммуникативному аспектам человеческого мышления мы обратимся позже).

Человек – живая система, но в реальном мире она существует иным образом, нежели другие (известные нам) живые системы. Все системы приспосабливаются к окружающему миру – а этот мир подвижен, текуч и недискретен. Человек (как человек) в подобном мире жить уже не может, он вынужден постоянно изобретать, т. е. создавать вокруг себя, иной, ранее не существовавший мир, и это – мир вещей.

Силой своего разума и мастерством своих рук человек ежечасно творит, превращая недискретный, текучий и подвижный мир в мир вещей, т. е. мир намеренно созданных интеллектуальных продуктов.

Эти продукты представляют собой определенные целостности, их структура искусственно создана для целей выполнения заранее запланированных функций.

Вещь – как она определяется в юридическом «вещном праве» – физическое тело, имеющее относительную самостоятельность и «доступность для человеческого присвоения». В этом (разумеется, профессионально ориентированном) определении тем не менее схвачены и важные общие особенности вещи: она имеет свою целостность, т. е. ее (в отличие, например, от другого юридического понятия – «недвижимое имущество») можно мыслить как отдельный предмет, что также важно. Вещь как категория мыслима и существует не в природе, но в человеческом мире.

Человек – живая система, способная творить («обретать из» ничего, а точнее из фрагментов текучего, подвижного и недискретного природного вещества, отобранных целенаправленно) цельные по замыслу и структурно и функционально ориентированные на эту цель интеллектуальные продукты: вещи. Понятие «вещь» в принципе отвечает этому же определению, но оно употребляется в его более широком и размытом значении. Употребляя понятие «вещь», приходится каждый раз уточнять его подлинный смысл. Будем называть вещи (далее) интеллектуальными продуктами, ибо они именно продуцированы, т. е. замыслены и созданы, и системообразующими для их структур и функций является человеческий интеллект, ставящий себе цель и достигающий ее.

Историческое настоящее, окружающий мир первого человека («первого геометра») в качестве своего «инвариантного, сущностного состава» был всегда «миром вещей» с присущей им эмпирической «телесностью», отмечает философ хотя и уточняет далее, что «культурные объекты не исчерпывают своего содержания в телесном бытии»³.

³ Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. С. 240–241; см. также: Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

Вопрос о том, почему понятие «вещь» имеет и более неопределенный смысл и принимается к физическим объектам природного происхождения, важен сам по себе, он позволяет приоткрыть связь мира вещей с мышлением человека. *Вещь* в человеческом сознании связывается со структурно-функциональной целостностью, и этот подход позволяет человеческому сознанию воспринимать подвижный недискретный мир дискретным. Происходит своего рода перенос привычного представления о рукотворной, сделанной вещи на природный мир и тем самым его уподобление человеческому миру. Так, например, это можно показать в значении слова «небосвод», когда текучее пространство видимой части космоса употребляется «своду», функционально структурированному строению, и становится поэтому более постижимым и даже более стабильным.

В виде «вещи» человеческое сознание воспринимает и другие природные явления, очеловечивая и приспособляя их к своему сознанию. То, что человеческое сознание мысленно «структурирует» недискретный мир, чтобы освоить его в своих представлениях, хорошо видно при обращении к миру слов, к языку. В человеческом языке первые и основные слова – и есть «вещи», т. е. существительные, они либо вещи «неодушевленные», либо люди, живые существа, «одушевленные» (и те и другие в языке интерпретируются как объекты, на которые распространяется человеческое действие, ибо сами действуют, как могли бы действовать все люди).

1.2. Деятельность и интеллектуальный продукт

Дискретность человеческого восприятия недискретного мирового универсума проявляет себя в создании вещей, т. е. таких материальных объектов, которые представляют собой единство замысла (идеи), функции, для выполнения которой вещь предназначена создателем, и структуры, которая соединяет вещи в одно функционирующее целое. В результате человеческой деятельности в недискретном универсуме возникает и искусственным образом поддерживается дискретный мир вещей.

Один из аспектов этой принципиально важной ситуации был проанализирован исследователями языковых явлений. Они обратили внимание на дискретность языка, который вынужден применять свои дискретные определения к недискретным, текучим и подвижным процессам недискретного мирового универсума. Исследователи языка, рассматривая эту проблему, отмечают возникающую в данной ситуации неточность научного языка, его неполную адекватность реальному миру. Другой аспект данной проблемы рассматривается исследователями в связи с иной стороной дела: эталоны дискретных определений различаются в разных языках в силу того, что различен повседневный быт людских сообществ: так, например, известно о том, что язык эскимосов имеет множество определений различных состояний льда, отсутствующих, разумеется, в языках сообществ, для которых это состояние внешней среды не имеет важного значения.

Если сопоставить замеченные лингвистикой ситуации проявления дискретности языка, о которых здесь упоминалось, с анализируемой нами ситуацией дискретности вещей по отношению к реальному миру (вещь, которая имеет «отдельное» от других существование, может быть «отделена»), то становится понятно, что оба проявления, и дискретность определений и дискретность вещей, имеют общую природу – мышление. Будем утверждать поэтому, что дискретность восприятия мира человеческим сознанием – это его общая, универсальная особенность.

В процессе эволюции эта способность получила ключевую роль в естественном отборе, поскольку преимущество имеют те организмы, которые могут отслеживать изменения быстрее во времени, шире в пространстве, что и дает им возможность находить эффективные варианты поведения. Запоминание, сопоставление прошедших представлений с текущими – важные характеристики высших живых систем, которые могут прогнозировать динамику развития происходящих изменений.

Итак, для того чтобы определить феномен человека, мы рассмотрели его общие черты как живой системы и затем уже выделили то, что специфично для него.

Это и будет означать системообразующее свойство человека. Человек, несомненно, живая система. В реальном мире все его объекты испытывают определенные воздействия, но живая система находится с реальным миром в состоянии информационного обмена. Свойство живого – это свойство преобразовывать воздействия окружающей среды в ощущения и восприятия, в представления об окружающей среде и соотносить с ними свое поведение. Жизнеспособность системы зависит от этого свойства, и в ходе естественного отбора диапазон информационного обмена с окружающей средой расширяется. Важным качеством более высокоорганизованных живых систем является способность удерживать личный опыт в фиксированном состоянии определенное время и затем вновь активизировать его. Это качество определяется, как известно, термином «память». Объем памяти имеет для живой системы огромное познавательное значение, поскольку дает возможность не только наблюдать явления в данный момент, но, соотнося наблюдения с памятью, получать представление о динамике процессов в окружающей среде. Так открываются возможности для выявления динамики процессов и, следовательно, свойств окружающего мира.

Проблема памяти – основная проблема когнитивных наук, которые различают типы памяти, – кратковременную и долговременную, возрастные особенности памяти и пр. Возможность наблюдать окружающий мир в его динамике является решающей, но она имеет для всех живых систем свои ограничения. Живые системы в процессе естественного отбора вырабатывают различные способы преодоления этих ограничений, для того чтобы получить из окружающего мира возможно большее количество информации. Более организованные живые системы используют подражание и научение. Природа этого феномена состоит в том, что живая система получает дополнительные возможности для выработки модели рационального поведения, которая будет не только результатом личного опыта, но и стереотипом восприятия чужой модели непосредственно, путем подражания. Вспомним, что высшие приматы обладают уникальными подражательными способностями. Отметим также преимущества таких живых систем, в среде которых происходит общение между поколениями или которые живут группами, поскольку в этом случае способности к подражанию и научению качественно возрастают. Мы упоминаем здесь об этом потому, что человек как предмет нашего специального внимания располагает всем необходимым для информационного обмена с окружающей средой, что и другие живые системы. Он обладает генетической памятью, собственной биологической памятью, высокими способностями к подражанию, научению и преобразованию внешнего мира в свой личностный опыт.

Обмен сигналами, информационный обмен в высокоорганизованных живых системах настолько сложен, что наука обращает внимание на многие пограничные области феномена или обмена сигналами. Личностная биологическая память человека не только более высоко организована, но она охватывает значительно более длительный период жизненного цикла (по сравнению с большинством животных). Когнитивные науки особенно пристально изучают в настоящее время переходные ситуации, например такие, как: возможно ли научить животное говорить или понимать язык? в каком качестве выступает для него слово – в качестве знака, сигнала или чего-то иного? На этом направлении очевидный и бесспорный водораздел между человеком и другими высшими животными не вполне очевиден. Если принять распространенную гипотезу, что человек – это существо, которое говорит, и что речь является его определяющим свойством, то четкого определения на данной основе не возникает.

Качественное отличие феномена человека связано с системообразующим для живых организмов уровнем информационного обмена. Обладая информационными возможностями высокоорганизованной биологической системы, человек имеет от нее существенное качественное отличие, которое делает его информационный обмен уникальным. Это отличие состоит в том, что человек способен к целенаправленной деятельности по созданию культурных объектов, вещей. В них он фиксирует информационный ресурс, который, уже в виде вещи, в виде объекта, можно затем хранить неопределенно долгое время. Человек может не только зафиксировать информационный ресурс, но и раскодировать эту информацию, включая ее снова в процесс своей целенаправленной деятельности. Таким образом, человек – это живая система, обладающая уникальным свойством осуществлять опосредованный информационный обмен через целенаправленно создаваемые им интеллектуальные продукты. Рассмотрим подробнее данное ключевое положение и те логические следствия, которые из него выводятся. Создание интеллектуального продукта – особая универсалия человеческого индивида. Здесь возможна аналогия с современными представлениями о языковых универсалиях человека. Ученые говорят о некоем универсальном грамматическом ядре, которое свойственно всем человеческим языкам. Действительно, каждый человеческий индивид обладает врожденной способностью говорить и понимать язык. На каком языке он заговорит, зависит от его социального окружения. Но сама способность присуща ему изначально. Есть и другая способность, также присущая человеку изначально. Человек может создавать интеллектуальный продукт, и в этом заключается его основное качество. Как и в ситуации с языком, эта способность реализуется в

социальном окружении. Будет ли человек обучен создавать интеллектуальный продукт и воспринимать информацию аналогичных интеллектуальных продуктов другого человека или эта способность окажется нереализованной – это зависит от его окружения.

Человек – существо не только биологическое, но и социальное. Есть врожденная (исходная) способность, которая также реализуется в социальном окружении. Это способность прямохождения, способность встать на ноги (и, следовательно, освободить руки для творческой деятельности). Человеческий детеныш, лишенный социального окружения, не может стать человеком, он даже не будет способен встать на ноги, говорить и, следовательно, творить. В его генетической памяти есть только основа, она реализуется социальным окружением. Следовательно, констатация того факта, что человек – существо социальное, из области философской абстракции переходит в область эмпирически подтверждаемой реальности опыта.

Способность человека создавать интеллектуальный продукт, по-видимому, фундаментальна в сравнении с другими живыми системами, также способными на определенные активные действия по отношению к окружающей среде. Возникает синтез всех трех особенностей, реализуемых в социальной среде: вставая на ноги, человек высвобождает руки для творчества и создает язык для информационного обмена с другими членами сообщества. Возможна гипотеза, что язык формируется для общения в процессе создания интеллектуального продукта – сферы чувств, эмоций, психики, бессознательного. Человек имеет чрезвычайно богатый язык информационного обмена. В указанных выше сферах человеческого существования общение осуществляется свободно и полно, не требуется его превращения в слова. Более того, при попытке выразить в словах этот изначально существующий язык, как известно, поэт или переводчик сталкивается с огромными (и неоднократно отмечавшимися) трудностями. Для чего же тогда язык, если без слов достигается более точное понимание? А вот в сфере создания интеллектуального продукта как раз и необходим технический язык с обозначением предмета и действий, которые с ним производятся.

Размышляя над трудными проблемами человеческой разумности, следует искать такие подходы к проблеме, которые позволят сблизить абстракции философской антропологии с реалиями, доступными эмпирическому наблюдению. С данной точки зрения интересен вопрос о смысле соотношения биологического (генетически наследуемого) и социального в человеке. Известно, что индивид лишь в сообществе достигает нормы разумности. Следовательно, человек – социальное живое существо. Но важно оттенить и другой аспект проблемы: генетически он подготовлен не только к прямохождению и речи (обучается относительно легко), но столь же легко обучается мыслить, создавая продукт⁴. Связка «мысль-продукт» генетически подготовлена, равно как и связка «мысль-речь». Трудно переоценить значение данной познавательной ситуации: ведь речь «исчезает», а продукт остается как эмпирическая данность.

Включение опосредованного интеллектуального продукта в сферу человеческого общения создает особую информационную ситуацию, ситуацию чисто человеческую, которую мы обозначаем как деятельность.

Понятие деятельности, разумеется, существует как некая абстракция, но, если вдуматься, это понятие не наполнено конкретным эмпирическим содержанием. В обыденном сознании наблюдается синонимическое использование слов «деятельность» и «жизнедеятельность» (в последнем случае речь может идти, естественно, только о биологических функциях живого организма).

Что же такое деятельность? С позиций уже названного системообразующего признака человеческой природы вполне возможно наполнить это понятие конкретным содержанием. Любая живая система функционирует в режиме «мышление-действие». Долгое время это явление интерпретировалось как ключевое для изучения также и человека. Особенно важно было

⁴ См.: Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1973.

включать в процесс наблюдения за соотношением мышления и действия человеческую речь. Именно она приоткрывает тайну мышления – окно во внутренний мир человека.

Связь мысли и слова, мышления и речи очевидна и издавна исследуется философами, психологами, лингвистами. Однако эта связь слишком «очевидна», что мешает различать опосредованность когнитивнокоммуникационных аспектов этого явления. Достигнув своих вершин в прошедшие века, философия языка теперь яснее осознает пределы своих эпистемологических возможностей как философия человека. «Хотя связь языка и мышления никем не подвергается сомнению, многие основные вопросы так и не имеют однозначного ответа. Это касается... даже самого, пожалуй, принципиального вопроса: возможно ли мышление вне языка»⁵. Критик кантианской эпистемологической парадигмы философии языка точно определил, какой главный вопрос в ее рамках остался без ответа: «Философия XX века была по преимуществу философией языка и изучала то, как язык соотносится с миром»⁶. Действительно, оставаясь в пределах системы языка, нельзя понять, как язык «прицепляется» к миру. Для получения ответа необходимо рассматривать феномен человека в его связи с реальным миром. В кратком виде ответ таков: язык соединен с миром через вещь. Но нас в данном случае больше интересует феномен человека в его истории.

Философия человека не может игнорировать его главного свойства: способности к интеллектуальной деятельности, созданию продукта. Даже ограничиваясь изучением связи языка и мышления как своей главной проблемой, исследователь, сам того не замечая, непременно так или иначе обозначает присутствие этого «продукта» в своей познавательной ситуации. Рассмотрим один из примеров подобной ситуации. Философ-лингвист XIX в. А.А. Потебня в своем труде «Мысль и язык» обратился к наиболее важным для него идеям классики своей проблемы. И это была идея В. фон Гумбольдта о двух основных понятиях – речи как живой, исчезающей энергии человеческого духа и противопоставленного ей понятия уже созданного, завершенного произведения. Гумбольдт противопоставил два явления, чтобы ярче подчеркнуть живую энергетику речи. Лингвист XIX в., взяв идею в качестве исходной, дал другую интерпретацию: стремясь показать читателю структурные свойства слова, ученый обратился к примерам творения искусства, произведениям, в которых подобные свойства более очевидны для восприятия: в произведении он находит «те же признаки, что и в слове, – внешняя форма, внутренняя форма и содержание»⁷. Задолго до структуралистских поисков XX в. ученый не только обратился к проблеме слова как единицы в системе языка, но, более того, фактически угадал присутствие аналогичных структурных свойств продуктов человеческого творчества.

Итак, продукт человеческого творчества обнаруживает свое присутствие в пространстве познавательной ситуации «мысль и язык». Но, разумеется, не находит там логического объяснения.

Деятельность и ее интеллектуальный продукт следует рассмотреть особо. Направленное творческое поведение индивида, создающего интеллектуальный продукт, заслуживает подробного рассмотрения. Подойдем к этому вопросу через анализ деятельности. Определим деятельность как специфически человеческий тип поведения, творческого поведения, в котором реализуются как когнитивные способности природного интеллекта индивида, так и способность создавать интеллектуальный реализованный (материальный, технический по сути) продукт; отметим такую характерную особенность феномена деятельности, как ее дискретность. В отличие от импульсивного действия, деятельность четко разделена на этапы, эмпирически выраженные созданием промежуточного интеллектуального продукта.

⁵ Кронгауз А.Л. Семантика. М., 2001. С. 104.

⁶ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 7.

⁷ Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 176.

Проблема человеческого поведения и соотношения в нем мышления, действия и речи уже обозначена как исследовательское пространство когнитивных наук, подходящих к данной проблеме с разных сторон, таких как лингвистика, психология, социальная психология, информационные науки, естественные науки.

Особенно плодотворны те научно-конфликтные противоречивые и парадоксальные ситуации, которые вызывают дискуссии представителей разных предметных областей сообщества. Обратимся к некоторым из них, поскольку именно дискуссионные области и столкновение на первый взгляд противоречивых точек зрения более точно обозначают проблемные ситуации.

Общей характерной чертой познавательной ситуации, в которой гуманитарные и естественнонаучные направления стремятся отыскать общие фундаментальные закономерности, является интеллектуальное влияние лингвистической парадигмы. Это объясняется, с одной стороны, тем, что способность к речи, языку представляет собой наиболее очевидную особенность человеческого поведения, издавна находящуюся по этой причине в поле зрения представителей научного сообщества. Другой, также объективной причиной данной ситуации является то, что технологические возможности вербального общения (т. е. общения с помощью слов) в информационном обществе оказались многократно умноженными, фактически превратив письменный способ интеллектуальных коммуникаций Нового времени в возрожденный и преобразованный устный способ обмена высказываниями в новейшее время.

Массовые коммуникации новейшего времени превратили феномен говорения в способ управления сознанием что, в свою очередь, привлекает к данному явлению внимание исследователей.

Науки о культуре, и прежде всего главная из них – история, долго находились под влиянием тех философских парадигм, которые исключили перспективы выявления структур, типологий и законов в данной области (так называемые идеографические науки, метод которых состоит в упорядочении в сознании субъекта индивидуальных неповторимых явлений). Данная познавательная ситуация стала меняться под влиянием структурной лингвистики, показавшей, что в культуре существует системный объект, к которому возможно применить структуралистский, т. е. типологический, сравнительный подход. Этот объект – язык, конкретные исследования которого придали структурной лингвистике совершенно особый статус. В массовом сознании под влиянием структурализма 60-х годов XX в. это вело к переоценке связей языка и мышления.

Явление творческой способности человека настолько фундаментально, что оно не может не возникать в качестве своего рода фона в дискуссиях о когнитивных способностях человека. Пример неточного употребления понятия «деятельность» находим в словосочетании «речевая деятельность». В контексте это всегда требует уточнения: имеется ли в виду речевая коммуникация или же «речевая деятельность в контексте деятельности вообще», т. е. имеет место неразличение коммуникации и творчества в познании. Традиционная связка «язык-мышление» как обозначение исследовательского пространства для когнитивистики недостаточно, оно односторонне. Это связано с тем, что сильное влияние лингвистического мышления на гуманитариев оставляет вне их внимания содержательные когнитивные связи «мышление-творчество». Остается в стороне вопрос о содержательном изучении деятельности, в рамках которой происходит речевая коммуникация. Это сразу становится заметно, когда исследование ведется с помощью интерпретации экспериментального опыта, например в изучении детской психики. В классических трудах Пиаже и Выготского (в частности, когда Выготский выдвигает свою интерпретацию экспериментального опыта Пиаже) – в центре внимания речевая активность детей, непосредственно вовлеченных в творческий процесс (например, рисование). И тогда видно, что само общение содержательно вызвано ситуацией, связанной с инструментом творчества, материалом, практикой создания произведения, т. е. именно с деятельностью в ее прямом смысле – творческим целенаправленным поведением, фиксирующим этапы продвижения

в процессе создания вещи⁸. Эта практическая, творческая сторона человеческого поведения находит более полное освещение также в концепции С.Л. Рубинштейна.

Структурообразующим фактором является процесс творчества, в котором мышление и действие направлены на преобразование исходных материалов деятельности. Все они коррелируются целенаправленным замыслом. В свое время М.А. Булгаков справедливо заметил, что если нет заглавия произведения, то нет и произведения. Смысл состоит в том, что все, что не есть основная идея, отбрасывается, а структура произведения (и его содержательная, информационная сторона) конструируется соответственно замыслу.

Можно определить деятельность как последовательное целенаправленное поведение, включающее в творческий процесс создание промежуточных овеществленных интеллектуальных продуктов. Этим деятельность и отличается от действия, не содержащего данного созидющего компонента. Важно подчеркнуть, что человек в своей целенаправленной деятельности спонтанно, даже неосознанно, фиксирует свой путь, обозначает его вещественными вехами. Данный вывод имеет ряд важных следствий. Деятельность выступает как процесс самопознания личности. Она выступает также как способ соотнесения целей, средств и возможностей, их корректировки в конкретной исторической ситуации. И наконец, выступает на первый план социальная сторона процесса индивидуальной человеческой деятельности. Момент создания интеллектуального продукта есть момент, когда личность реализует себя как социальная единица, как часть социума. Информационный обмен становится возможным в принципе сразу, немедленно, как только внутренний мир человека находит свое выражение в той овеществленной форме, которую человек ему придает. Связь между человеком и социумом овеществляется, становится стабильной и уже не исчезает («рукописи не горят»).

Важно подчеркнуть, что связь между человеком и социумом через созданный одним и прочитанный «другими» интеллектуальный продукт предстает как эволюционно и глобально значимая: каждый созданный интеллектуальный продукт уже в момент своего создания пополняет совокупный ресурс человечества и может быть актуализирован теперь и всегда. Введем еще несколько обозначений, которые помогают зафиксировать некоторые аспекты данной эпистемологической проблемы. Это информационная энергетика, прежде всего, и «информационный магнетизм». Творческий процесс сопровождается определенной ситуацией подъема: индивидуальная психика переходит в новое качественное состояние – вдохновение («руки тянутся к перу, перо к бумаге, минута, и стихи свободно потекут»).

«Информационный магнетизм» – термин, вводимый нами для того, чтобы обозначить несомненно существующую, но недоступную эмпирической проверке реальность информационной связи социума. Ранее мы говорили, что особенностью феномена человека является его способность создавать интеллектуальный продукт. Теперь важно отметить дополняющую ее или встречную способность человека прочитывать информационный ресурс, заложенный другим представителем человеческого рода в его интеллектуальный продукт. Эта способность воспринимать информацию из вещи проявляется как универсальная черта и не зависит от каких-либо разделяющих человечество классификаций. Сданной точки зрения некорректно деление обществ, еще не создавших развитые системы письменности и обществ, уже обладающих ими («дописьменные» и «письменные» народы, имеющие поэтому «историю» и не имеющие таковой). Информационный обмен через интеллектуальные продукты, целенаправленно созданные людьми, есть первый фундаментальный и универсальный признак присутствия человека. Более того, он наиболее результативен, надежен и его возможности для обогащения человеческой личности ни с чем не сравнимы. Исторически он, вероятно, развивается первым, потому что действие по преобразованию предметов реального мира зарождается на инстинктивном уровне.

⁸ См.: *Выготский Л.С. Психология развития человека*. М., 2004.

Данный способ познания сообщает такую полноту информации, которая одновременно воспринимается сенсорно (через органы чувств) и аналитически. Стремление «глазам не верить», но «пощупать», а еще лучше – «разобрать, а потом собрать» есть не свойство первобытного или цивилизованного человека, а общечеловеческое свойство. Можно заметить те ограничения, которые претерпел информационный обмен с возникновением письменности, приучающей индивида не к объемному, но плоскостному восприятию реальности. Велики потери информационного ресурса, связанные с культурными запретами, разделяющими чувственно-эмпирическое и духовное познание мира. Недостаточно изучена смена способов информационного обмена, которую привнесли телевидение, кино и радио, отделяющие потребление информации от деятельности. Информационный магнетизм – это естественное, интуитивное ощущение полезности информации (ощущение деятельного интереса), которое позволяет включить в формируемую картину мира те или иные информационные сигналы.

В современной информационной ситуации существуют яркие, но еще не интерпретированные социальные явления, связанные со спецификой так называемого информационного общества (поскольку для нас всякое общество является информационным). Это возрастающая мода на коллекционирование старинных или уникальных вещей и интеллектуальных продуктов, чья ценность только в том и состоит, что они имеют свой особый информационный ресурс, который может быть выявлен с помощью непосредственного чувственно-эмпирического восприятия. Ценность этого ресурса со временем не только не ослабевает, но стремительно возрастает, как бы восполняя огромные информационные потери и пустоты. Примером может служить мода на старинные фотографии: понятно, что их информационный ресурс велик, поскольку они сохранили некоторые параметры вещественного мира прошлого. Но заметим также, что знатоками ценится не только изображение (поскольку само изображение современными средствами может быть воспроизведено едва ли не в лучшем качестве), а прежде всего материал, фактура, подлинность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.